ГЛАВА II

РЫНОЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

Толпа бостонских жителей, заполнившая летним утром добрых два столетия назад зеленую лужайку перед зданием на Тюремной улице, не спускала глаз с окованной железом дубовой двери. Если бы речь шла не о бостонцах, или пусть даже и о бостонцах, но другого, более позднего периода в истории Новой Англии, можно было бы с уверенностью сказать, судя по угрюмой непреклонности, застывшей на бородатых лицах этих простых людей, что им предстоит какое-то грозное зрелище — по меньшей мере назначенная на этот час казнь известного преступника, которому законный суд вынес приговор, лишь подтвердивший вердикт общественного мнения. Однако суровые нравы первых поколений пуритан делают такое предположение не столь уж несомненным. Виновный мог оказаться попросту нерасторопным белым рабом или непочтительным сыном, переданным родителями местным властям для наказания плетьми у позорного столба. Это мог быть антиномист, квакер или какой-нибудь другой сектант, подлежащий изгнанию из города,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

или же индеец, хвативший огненной воды белого человека, бродяга и лодырь, которого за буйство на улицах следовало наказать бичом и прогнать в дремучие леса. Но это могла быть и приговоренная к виселице колдунья, вроде старой миссис Хиббинс, зловредной вдовы судьи. В любом случае зрители отнеслись бы к церемонии с неизменной серьезностью, как подобает народу, у которого религия и закон слиты почти воедино и так переплелись между собой, что самые мягкие и самые суровые акты публичного наказания равно внушали уважение и благоговейный страх. Преступнику нечего было рассчитывать на сколько-нибудь теплые чувства со стороны зрителей, окружавших эшафот. Поэтому наказание, которое в наши дни грозило бы осужденному лишь насмешками и презрением, облекалось в те времена достоинством не менее мрачным, чем смертная кара.

Следует также отметить, что в летнее утро, с которого начинается наш рассказ, особенный интерес к предстоящему наказанию проявляли находившиеся в толпе женщины. В старину утонченность была не настолько развита, чтобы чувство благопристойности удержало носительниц чепчиков и юбок с фижмами от искушения потолкаться в толпе, а при случае и протиснуться своей отнюдь не тщедушной персоной к эшафоту, где происходила казнь. Эти жены и дочери коренных уроженцев Старой Англии были как в духовном, так и в физическом отношении существами куда более грубого склада, чем их прелестные пра-правнучки шесть-семь поколений спустя; в длинной цепи наследования румянец, передаваемый матерью дочерям, становился от раза к разу все бледнее, красота — все тоньше и недолговечнее, телосложение все воздушнее, да и характер постепенно утрачивал свою силу и устойчивость. Менее полувека отделяло женщин, стоявших у входа в тюрьму,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

от той эпохи, когда мужеподобная Елизавета* была вполне достойной представительницей своего пола. Женщины эти являлись ее соотечественницами; они были вскормлены на говядине и эле своей родины и на столь же мало утонченной духовной пище. Таким образом, солнце в тот день озаряло могучие плечи, пышные формы и круглые цветущие щеки, налившиеся на далеком острове и не успевшие еще похудеть и поблекнуть под небом Новой Англии. А смелость и сочность выражений, на которые не скупились эти матроны — большинство из них выглядело именно матронами, — равно как и зычность их голосов, показались бы в наше время просто устрашающими.

— Я вам, соседки, вот что скажу, — разглагольствовала женщина лет пятидесяти с жестким лицом. — Было бы куда лучше для общины, если бы такая злодейка, как Гестер Прин, попала в руки почтенных женщин и добрых прихожанок, вроде нас с вами. Как по-вашему, кумушки? Доведись вот хоть нам пятерым, которые стоят здесь, судить шлюху, разве отделалась бы она таким приговором, какой вынесли ей достопочтенные судьи? Как бы не так!

— Люди рассказывают, — подхватила другая, — что преподобный мистер Димсдейл, ее духовный отец, просто убит таким скандалом в его приходе!

— Что правда, то правда, — добавила третья отцветающая матрона. — Судьи, конечно, люди богобоязненные, только слишком уж мягкосердечные. Этой Гестер Прин следовало бы выжечь каленым железом клеймо на лбу. Вот тогда мадам Гестер получила бы сполна! А к платью ей что ни прицепи, — такую дрянь этим не проймешь. Она прикроет знак брошкой или еще каким-нибудь бесовским

---

* Готорн имеет в виду королеву Елизавету I. *Здесь и далее прим. ред.*

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

украшением и будет разгуливать по улицам как ни в чем не бывало, вот увидите!

— Ах, что вы! — вмешалась более мягкосердечная молодая женщина, державшая за руку ребенка. — Как ни прикрывай знак, а рана в сердце останется навек!

— К чему все эти разговоры о том, где лучше ставить знаки и клейма — на платье или просто на лбу? — воскликнула еще одна участница этого самочинного суда, самая уродливая и самая безжалостная из всех. — Она нас всех опозорила, значит, ее нужно казнить. Разве это не будет справедливо? И в Писании так сказано и в своде законов. Пусть же судьи, которые забыли об этом, пеняют сами на себя, когда их собственные жены и дочери собьются с пути!

— Помилуй нас бог, матушка! — ответил ей какой-то мужчина из толпы. — Разве женская добродетель только и держится, что на боязни виселицы? Страшные вещи вы говорите! А теперь потише, кумушки! В дверях поворачивается ключ, и сейчас миссис Прин пожалует сюда собственной персоной.

Двери тюрьмы распахнулись, и в них появилась черная, как тень среди ясного дня, мрачная и зловещая фигура судебного пристава с мечом у пояса и жезлом — знаком его достоинства — в руке. На этом человеке, в облике которого воплощался суровый, беспощадный дух пуританской законности, лежала обязанность распоряжаться церемонией исполнения приговора. Левой рукой он сжимал жезл, а правой придерживал за плечо молодую женщину, которую вел к выходу. Однако на пороге тюрьмы она оттолкнула его жестом, исполненным достоинства и мужества, и вышла на улицу с таким видом, будто делает это по доброй воле. На руках она несла ребенка — трехмесячного младенца, который

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

мигал и отворачивал личико от ослепительного дневного света, ибо его существование до тех пор протекало в сером полумраке камеры и других, не менее темных, тюремных помещений.

Когда молодая женщина — мать ребенка — оказалась лицом к лицу с толпой, первым ее побуждением было крепче прижать младенца к груди. Побуждение это вызывалось не столько материнской нежностью, сколько желанием скрыть таким образом какой-то знак, прикрепленный или пришитый к ее платью. Однако тотчас же, мудро рассудив, что бесполезно прикрывать один знак позора другим, она удобнее положила ребенка на руку и, вспыхнув до корней волос, но все-таки надменно улыбаясь, обвела прямым, вызывающим взглядом своих сограждан и соседей. На лифе ее платья выделялась вырезанная из тонкой красной материи буква «А»*, окруженная искусной вышивкой и затейливым золототканым узором. Вышивка была выполнена так мастерски, с такой пышностью и таким богатством фантазии, что производила впечатление специально подобранной изысканной отделки к платью, столь нарядному, что хотя оно и было во вкусе времени, однако далеко переступало границы, установленные действовавшими в колонии законами против роскоши.

Молодая женщина была высока ростом, ее сильная фигура дышала безупречным изяществом. В густых, темных и блестящих волосах искрились солнечные лучи, а лицо, помимо правильности черт и яркости красок, отличалось выразительностью благодаря четким очертаниям лба и глубоким черным глазам. Была в ее внешности также какая-то аристократичность в духе тогдашних требований,

---

* От *англ.* adultery — супружеская измена.

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

предъявляемых к изысканной женской красоте, аристократичность, выражавшаяся скорее в осанке и достоинстве, нежели в непередаваемой, хрупкой и недолговечной грации, которая служит признаком благородства в наши дни. И никогда Гестер Прин не казалась более аристократичной в старинном значении этого слова, чем в ту минуту, когда она выходила из тюрьмы. Люди, встречавшиеся с нею раньше и ожидавшие увидеть ее подавленной, омраченной нависшими над ее головой зловещими тучами, были поражены и даже потрясены тем, как засияла ее красота в ореоле несчастья и позора. Впечатлительный зритель, вероятно, не мог бы глядеть на нее без мучительной боли. Причудливое и красочное своеобразие наряда, который она специально для этого случая сшила в тюрьме, руководствуясь лишь собственной фантазией, по-видимому, выражало ее душевное состояние и безрассудную смелость. Но точкой, приковавшей к себе глаза толпы и до того преобразившей Гестер Прин, что мужчинам и женщинам, прежде близко знакомым с нею, показалось, будто они видят ее впервые, была фантастически разукрашенная и расцвеченная алая буква. В ней словно скрывались какие-то чары, которые, отторгнув Гестер Прин от остальных людей, замкнули ее в особом кругу.

— Ничего не скажешь, рукодельница она хоть куда! — заметила одна из зрительниц. — Только надо быть совсем уж бессовестной потаскухой, чтобы хвастать этим в такую минуту! Ну скажите, кумушки, разве не насмешка над нашими благочестивыми судьями — кичиться знаком, который эти достопочтенные джентльмены считали наказанием?

— Сорвать бы это роскошное платье с ее грешных плеч! — проворчала самая твердокаменная из старух. — А красную

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

букву, которую она так старательно разукрасила, вполне можно было бы сделать из старой фланелевой тряпки, вроде той, что я ношу при простуде.

— Потише, соседки, потише! — прошептала младшая из зрительниц. — Нехорошо, если она нас услышит! Ведь каждый стежок на этой вышитой букве прошел сквозь ее сердце!

Суровый пристав взмахнул жезлом.

— Дорогу, люди добрые! Дорогу, именем короля! — закричал он. — Расступитесь, и я обещаю вам отвести миссис Прин туда, где вы все — взрослые и дети — сможете любоваться ее замечательным украшением с этой самой минуты и до часу дня. Да будет благословенна праведная массачусетская колония, где порок сразу выводят на чистую воду! Ступайте же, мадам Гестер, покажите вашу алую букву на Рыночной площади!

Толпа зрителей расступилась и образовала проход. Предшествуемая приставом и сопровождаемая беспорядочной процессией хмурых мужчин и недоброжелательных женщин, Гестер Прин направилась к месту, предназначенному для ее наказания. Полные любопытства школьники, которым из всего происходившего было ясно только то, что их на полдня освободили от уроков, стайкой побежали впереди, поминутно оглядываясь и стараясь рассмотреть лицо Гестер, жмурившегося ребенка у нее на руках и позорный знак на груди. В те дни расстояние от тюрьмы до Рыночной площади было не так уж велико. Тем не менее осужденной это путешествие показалось, надо думать, довольно длинным, ибо за надменностью ее поведения, вероятно, скрывались такие муки, точно эти люди, толпой шедшие за ней, безжалостно топтали ее сердце, брошенное им под ноги. К счастью, в нашей природе заложено чудесное

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

и в то же время спасительное свойство не сознавать всей глубины переживаемых нами мучений; острая боль приходит к страдальцу лишь впоследствии. Поэтому Гестер Прин с почти безмятежным видом прошла через эту часть своего испытания и достигла эшафота на западном краю площади. Он стоял почти под самым карнизом первой бостонской церкви и выглядел так, словно прирос к ней.

Для нас, то есть для двух-трех последних поколений, этот эшафот, представляющий собою часть карательной машины, существует лишь как характерная историческая деталь; однако в старину он был столь же важным средством воспитания законопослушных граждан, как гильотина в руках французских террористов. Короче говоря, это был помост, над которым возвышалась рама вышеупомянутого исправительного орудия, с помощью которого можно было зажать голову человека в крепкие тиски и затем удерживать ее на виду у зрителей. В этом сооружении из дерева и железа воплощалась наивысшая степень бесчестья для наказуемого. Каков бы ни был проступок, не существует, мне кажется, кары, более противной человеческой природе и более жестокой, чем лишение преступника возможности спрятать лицо от стыда; а как раз в этом и заключалась вся суть наказания. Однако в случае с Гестер Прин, как и во многих других случаях, приговор требовал только, чтобы она простояла определенное время на помосте, но без ошейника, без тисков на голове, словом, без всего того, что было особенно отвратительно в этой дьявольской машине. Хорошо зная свою роль, Гестер поднялась по деревянным ступеням и предстала перед окружающими, возвышаясь над улицей на несколько футов.

Окажись тут, в толпе пуритан, какой-нибудь католик, эта прекрасная женщина с младенцем на руках, женщина,

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

чье лицо и наряд были так живописны, привела бы ему, вероятно, на память мадонну, в изображении которой соперничало друг с другом столько знаменитых художников. Он вспомнил бы — конечно, только по контрасту — священный образ непорочной матери, чьему сыну суждено было стать спасителем мира. А здесь величайший грех так запятнал самую священную радость человеческой жизни, что мир стал еще суровее к красоте этой женщины, еще безжалостнее к рожденному ею ребенку.

Это зрелище человеческого греха и позора внушало невольный страх, да и не могло не внушать его в те времена, когда общество еще не было настолько развращено, чтобы смеяться там, где следовало трепетать. Свидетели бесчестья Гестер Прин были совсем бесхитростные люди. Будь она приговорена к смерти, они с таким же молчаливым одобрением взирали бы на ее казнь, не ропща на жестокость приговора; зато они не отличались и бессердечием, свойственным иному общественному укладу, при котором подобные сцены послужили бы лишь поводом для шуток. Если бы кому-нибудь и пришло в голову шутить, такая попытка была бы подавлена и пресечена торжественным присутствием столь немаловажных лиц, как губернатор, некоторые его советники, судья, генерал и местные священники. Все они сидели или стояли на балконе молитвенного дома и глядели вниз на помост. Когда такие особы, нисколько не опасаясь уронить свое достоинство или авторитет, принимают участие в подобных зрелищах, можно не сомневаться в том, что исполнение судебного приговора будет принято со всей серьезностью и произведет должное впечатление. Действительно, толпа вела себя угрюмо и сосредоточенно. Несчастная преступница держалась как нельзя лучше для женщины, которая обречена

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

выдерживать напор тысячи безжалостных глаз, устремленных на нее и в особенности на ее грудь. Вынести это было почти невозможно. Она приготовилась защищаться от язвительных выходок, уколов, публичных оскорблений и в ответ на любую обиду дать полную волю своей порывистой и страстной натуре, но это молчаливое общественное осуждение было настолько страшнее, что теперь Гестер Прин предпочла бы увидеть на хмурых лицах насмешливые гримасы по своему адресу. Если бы эти люди — каждый мужчина, каждая женщина, каждый визгливый ребенок — встретили ее взрывами хохота, она могла бы ответить им горькой и презрительной усмешкой. Но под свинцовым гнетом постигшей ее кары она временами чувствовала, что либо сойдет с ума, либо сию секунду закричит во всю силу своих легких и бросится с эшафота на землю.

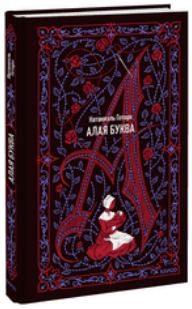
Были и такие минуты, когда сцена, в которой она играла главную роль, пропадала из ее глаз или постепенно расплывалась, обращаясь в рой призрачных, бесформенных видений. Болезненно возбужденный ум и в особенности память рисовали перед нею иные картины, не имевшие ничего общего с этой улицей, с этим бревенчатым городком, граничившим с дремучими лесами Запада; и не эти, выглядывавшие из-под островерхих шляп, а совсем иные лица возникали перед ее взором. Далекие, совсем незначительные воспоминания, какие-то ничтожные черточки детства и школьных дней, игры, детские ссоры и мелочи домашней жизни в годы девичества роились вокруг нее, переплетаясь с важнейшими воспоминаниями последующих лет. Каждая картина возникала с такой же яркостью, как и предыдущая, словно все они были одинаково значительны или, напротив, в равной степени несущественны. Возможно, в этих

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа

фантасмагориях ее душа бессознательно искала спасения от жестокого гнета неумолимой действительности.

Так или иначе, помост послужил для Гестер Прин наблюдательным пунктом, откуда она вновь увидела родную деревню в Старой Англии и отчий дом, — убогий, полуразвалившийся дом из серого камня, на фронтоне которого все еще был виден полустертый щит с гербом, в знак того, что владелец принадлежит к старинному дворянскому роду. Она увидела облысевшую голову отца и его почтенную белую бороду, ниспадающую на старомодные елизаветинские брыжи, потом — лицо матери, ее исполненный заботливой, тревожной любви взгляд, который навсегда сохранился в памяти Гестер и много раз кротко предостерегал — даже после того как мать умерла — от ошибок на жизненном пути. Она увидела свое собственное лицо таким, каким оно некогда представало перед нею, когда она рассматривала его в мутном зеркале, освещенном изнутри сиянием ее девичьей красоты. И еще одно лицо она увидела — лицо немолодого уже мужчины, бледное, худое лицо ученого с глазами, тусклыми и покрасневшими от мерцания свечи, при которой он изучал бесчисленные фолианты. Однако эти тусклые глаза обладали удивительной проницательностью, когда их владельцу нужно было читать в человеческой душе. Женская наблюдательность Гестер Прин восстановила даже некоторую неправильность телосложения этого мыслителя и аскета, у которого левое плечо было чуть выше правого. Потом картинная галерея памяти развернула перед ней путаницу узких улиц, высокие серые дома, огромные соборы и общественные здания столь же древнего годами, сколь удивительного по архитектуре города на континенте, где ее, уже связанную со сгорбленным ученым, ожидала новая жизнь — новая, но питаемая изъеденной временем

Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа



Почитать описание и заказать в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза: